

DOI: 10.31857/S013038640016555-8

© 2021 г. А.Ю. ВАТЛИН, Л.В. ЛАННИК

ТАЙНЫЕ НОТЫ К ДОБАВОЧНОМУ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМУ ДОГОВОРУ 27 августа 1918 года

Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Researcher ID: W-2922-2017; Scopus Author ID: 56209861500

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261

Аннотация. Российская революция внесла принципиальные коррективы в ход Первой мировой войны на ее заключительном этапе. Заключение 3 марта 1918 г. Брестского мира должно было избавить Германию от Восточного фронта, однако вместо этого поставило перед ней вопрос о поиске *modus vivendi* с новым политическим режимом в России. Продолжение экспансии на территории бывшей Российской империи, поддержка образовавшихся «окраинных государств», финансовые претензии и репатриация пленных требовали расширения правовой базы двусторонних отношений. В конце мая 1918 г. в Берлине началась подготовка Добавочного германо-советского договора, который был подписан 27 августа 1918 г.

Советский полпред в Берлине А.А. Иоффе, реализуя ленинскую концепцию «передышки», был вынужден встраивать Советскую Россию в систему международных отношений, порожденную Брестским миром. На переговорах обсуждались судьбы территорий от Баренцева до Каспийского моря, а также перспективы взаимодействия двух стран: от военной кооперации против Антанты до противодействия турецкой экспансии в Закавказье. Особую роль сыграли финансовые нюансы принимаемых на себя сторонами обязательств.

Участие большевиков в новом раунде тайной дипломатии являлось отказом от ранее провозглашенных ими принципов. В отличие от Бреста, где советские дипломаты были вынуждены согласиться с ультиматумом победителя, содержание Добавочного договора и тайных нот к нему отражало их усилия добиться переустройства будущей России и сферы ее геополитического влияния. Окончание Первой мировой войны избавило Брестскую систему от проверки на прочность, однако некоторые аспекты соглашений, заложенных в ее основание, сохраняли свое значение в последующие годы, определяя место Советской России в межвоенном мире.

В настоящей работе впервые на русском языке публикуются и анализируются три секретные ноты к договору, конкретизировавшие важнейшие положения Добавочного договора, в том числе о совместных военных акциях против Антанты.

Ключевые слова: советско-германские отношения, Добавочный договор, Брестская система, «Шлюсштайн», битва за Баку 1918 г., Г.В. Чичерин, П. фон Гинце, А.А. Иоффе, И. Криге.

A.Y. Vatlin, L.V. Lannik**Secret Notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: an Unknown Plot From the History of Soviet-German Relations at the End of the First World War***Alexander Vatlin, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).**E-mail: vatlin_alex@mail.ru**Researcher ID: W-2922-2017; Scopus Author ID: 56209861500**Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: leo-lannik@yandex.ru**Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261*

Abstract. The 1917 Russian Revolution made fundamental adjustments to the course of the First World War at its final stage. The Brest-Litovsk Treaty was supposed to deliver Germany from the Eastern Front, but instead, it put the question of finding a *modus vivendi* with the new political regime in Russia. The continuation of the German expansion in the territory of the former Russian Empire, the support of the newly formed limitrophe states, financial claims, and the problem of repatriation of prisoners required the development of a legal framework for bilateral relations. At the end of May 1918, the preparation of the Supplementary Treaty began in Berlin. It was concluded only on August 27, 1918.

The Soviet envoy in Berlin, A.A. Ioffe, while aiming at the implementation of Lenin's concept of "respite", was forced to integrate Soviet Russia into the system of international relations generated by the Brest-Litovsk Treaty. During the negotiations, the fate of the territories from the Barents Sea to the Caspian Sea, as well as the prospects for cooperation between the two powers were discussed: from military cooperation against the Entente to countering the Turkish expansion in the Transcaucasus. A special role was played by the financial nuances of the obligations assumed by the parties.

The Bolsheviks' participation in the new round of secret diplomacy was a deviation from the principles they had previously adhered to. Unlike Brest, where Soviet diplomats were forced to accept the winner's ultimatum, the contents of the Supplementary Treaty and the secret notes to it indicate their efforts to achieve the reconstruction of the Russia of the future and its sphere of geopolitical influence. The end of World War I saved the Brest system from being stress-tested, but some aspects of these agreements remained important in the following years, determining the place of Soviet Russia in the world of the interwar period.

This article analyzes three secret notes, which specified the most important provisions of the Supplementary Treaty, including joint military actions against the Entente. The notes are published in Russian for the first time.

Keywords: Soviet-German relations, Supplementary Treaty, Brest System, "Schlußstein", Battle of Baku, G.V. Chicherin, P. von Hintze, A.A. Ioffe, J. Kriege.

В связи с советско-германскими договорами августа–сентября 1939 г. понятие «секретных протоколов» стало одним из самых употребительных в лексиконе международных, занимавшихся крахом Версальской системы и предысторией Второй мировой войны. Однако практика тайной дипломатии сопровождала внешнюю политику государств с древних времен. Ее осуждение в программах марксистских рабочих партий было не более чем символом «нового мира», далекого от реалий. Система военных союзов и тайных соглашений, предвещавшая военный конфликт 1914 г., смогла пережить и нападки социал-пацифистов, и отдельные «утечки» в прессе, и более значительные «прорехи» по ходу «торговли» за присоединение тех или иных стран к воюющим коалициям.

Начало и стремительная радикализация Российской революции поставила под вопрос принципы функционирования всей системы международных отношений. В первом из своих декретов большевики заявили, что Совет народных комиссаров «отменяет тайную дипломатию, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров... Все содержание этих тайных договоров... Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным»¹. Попытка большевиков реализовать новые принципы на практике в процессе мирных переговоров в Бресте обернулась тяжелейшим дипломатическим поражением Советской России.

При всей своей «похабности» Брестский мир 3 марта 1918 г. позволил Советской России, единственному субъектному контрагенту Германии, выжить. Большевики не столько подчинились диктату победителя, сколько откупились от него, какой бы непрочной и подвижной не оказалась демаркационная линия между кайзеровской и Красной Армией. Главным выигрышем советской власти было не пространство, а время. Ленинская концепция «передышки» подразумевала маневрирование перед лицом превосходящих сил противника при уклонении от лобовых столкновений. В этих условиях основной задачей советской внешней политики стало направление германской экспансии в «русло, не угрожающее существованию Советской России». Написавший эти строки нарком иностранных дел Г.В. Чичерин отмечал, что «этот процесс фиксации прошел через ряд последовательных ступеней, завершившихся дополнительными договорами 27 августа 1918 г.»². О неизвестных аспектах этих соглашений и пойдет речь.

Ключевые положения Брестского мира оказались недостаточными для налаживания по-настоящему мирных отношений между Центральными державами, Советской Россией и рядом других лимитрофов распавшейся Российской империи. Тем не менее основа для постепенного перехода от войны к миру была создана. В конце апреля 1918 г. в Москве и Берлине появились посольства Германии и России. Личности послов (А.А. Иоффе и В. фон Мирбаха) наложили серьезный отпечаток на развитие советско-германских связей в послебрестский период. Непросто складывались их контакты в принимающей стране: Иоффе долго не мог добиться приема ни у рейхсканцлера, ни у главы германского дипломатического ведомства. Мирбах с первых же дней почувствовал неприязненное отношение советских лидеров, а Ленин откровенно уклонялся от встречи с ним.

Личный фактор играл важную роль в советской дипломатии, отличавшейся невысоким уровнем профессионализма и отсутствием опыта³. Чичерин, несмотря на явное превосходство в компетентности, никак не мог добиться должной субординации от Иоффе и пытался пресечь его апелляции напрямую к Ленину, Свердлову и Троцкому. В силу разных причин советскому полпреду приходилось принимать на себя риск самостоятельных решений, что сочеталось с ощущением, что в Берлине он брошен на произвол судьбы. Письма и донесения Иоффе свидетельствуют о его эмоциональном перенапряжении, граничившем с нервным срывом: «Что же Вы хотите, чтобы я просто принимал тут с немцами решения, не считаясь с Вами?! Ведь придется так поступать... Так нельзя. Не впадайте в истерику. Я Вам ясно доказал, что германская политика теперь войны не хочет; им нужны экономические завоевания; а их они могут добиться только в мирных условиях. Поймите это, поймите, что это наш главный козырь, и не пугайтесь всякого ультиматума»⁴.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957 (далее – ДВП). С. 13.

² Чичерин Г.В. Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920. С. 8.

³ Описание хаотичной обстановки в советском полпредстве в Германии дал секретарь полпредства Г.А. Соломон, позже ставший «невозвращенцем». См.: Соломон Г.А. Среди красных вождей. М., 1995.

⁴ Письмо Иоффе Чичерину от 14 мая 1918 г. – АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 47–47 об.

С целью подготовки соглашений, создающих правовую базу для мирных отношений между Советской Россией и кайзеровской Германией, должна была начать свою работу политическая комиссия во главе с руководителями внешнеполитических ведомств обеих стран. После долгих споров местом ее работы был определен Берлин. Из Москвы туда в качестве членов советской делегации отправились Н.И. Бухарин, Ю. Ларин и Г.Я. Сокольников. Их назначение стало для Иоффе «пренеприятнейшим известием», гарантировав острые конфликты вплоть до невозможности совместной работы. Ленин обещал Иоффе всемерную поддержку, однако его кадровый выбор диктовался созданием системы сдержек и противовесов, оставлявшей за вождем роль третейского судьи. Сколько-нибудь конструктивные отношения Иоффе смог установить лишь с прибывшим в начале июня Л.Б. Красиным, первым поручением которого стала секретная миссия лично к фактическому начальнику Генерального штаба Э. Людендорфу, удостоившему его продолжительной беседы⁵.

Эффективность работы советского полпредства снижало и то, что на первых порах его персонал не смог наладить надежные каналы коммуникации с Москвой. Поток срочных донесений хронически не успевал за темпом развития новых конфликтов на огромном пространстве от Мурманска до Баку. До того, как в здании полпредства на берлинской Унтер-ден-Линден появился аппарат Юза, секретные дипломатические послания приходилось отправлять через курьеров или передавать по радио открытым текстом, так как технические помехи мешали наладить шифрование⁶. В германских архивах сохранилось много перехваченных или скопированных донесений советских дипломатов, изобличающих их беспомощность перед германскими средствами шпионажа. Полпред и нарком постоянно обменивались упреками в утечке секретной информации из своих аппаратов. Накануне подписания Добавочного договора, который должен был разъяснить и конкретизировать положения Брестского мира, Иоффе сообщал в Москву: «Меня убедительно просят, чтобы хоть тайные ноты действительно остались бы тайными... если уж встали на путь “тайной дипломатии”, то надо на нем удержаться»⁷.

В годы Первой мировой войны для германских дипломатов было острой проблемой вмешательство в их работу Верховного главнокомандования сухопутных сил (ОХЛ), которое создало собственный аппарат военных миссий и атташе. Статс-секретарь министерства иностранных дел (МИД) Р. фон Кюльман уклонялся от прямых столкновений с «дуумвиратом» генералов П. фон Гинденбурга и Людендорфа, убедившись в том, что победителем из этого столкновения он выйти не сможет. Отвечавшие за восточное направление внешней политики сотрудники МИД были также возмущены диктатом кайзеровской Ставки; дипломаты пытались сдерживать активность «военной партии», стремившейся к дальнейшей экспансии, направленной в глубь России.

Из-за личных амбиций и интриг в советской делегации подготовка Добавочного договора велась вне рамок двусторонней политической комиссии, которая собралась на пленарное заседание лишь один раз. Иоффе предпочитал вести прямые переговоры с Кюльманом и со знакомым ему еще по переговорам в Бресте главой юридического отдела МИД И. Криге⁸. Был выработан следующий модус работы: германская сторона ставила все новые вопросы и формулировала те или иные положения, советский полпред сносился с Москвой и корректировал свою позицию в зависимости от полученных ответов.

⁵ См.: Ватлин А.Ю. «В прочность положения большевиков я не очень-то верю» // Воронцово поле. 2020. № 4. С. 32–37.

⁶ 31 мая 1918 г. Иоффе жаловался Чичерину, что «шифрованные телеграммы ни разу нельзя было расшифровать». — АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 10. Д. 43. Л. 27.

⁷ Письмо Иоффе Чичерину от 26 августа 1918 г. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 993. Л. 25.

⁸ К сожалению, в личном фонде Криге, который хранится в Политическом архиве МИД ФРГ (далее — РААА), материалы по истории советско-германских отношений в 1918 г. отсутствуют.

Турбулентность обстановки на пространстве бывшей Российской империи приводила к тому, что советско-германские отношения в первые месяцы после Бреста находились в постоянном кризисе, интенсивность которого порой становилась критической. Ультиматумы по разным поводам и все новые основания для вооруженных столкновений накладывались на взаимное (и оправданное) недоверие. Германские инстанции были встревожены масштабной большевистской пропагандой и подрывной деятельностью на оккупированных территориях. НКВД и ВЧК получали немало доказательств тесных контактов и прямой поддержки Германией антисоветских движений как на территории Советской России, так и за линиями фронтов Гражданской войны.

Подготовка советско-германского Добавочного договора оказалась значительно сложнее и заняла гораздо больше времени, чем первоначально рассчитывали обе стороны. Окончаться («буржуазный мир тайной дипломатии» Иоффе пришлось уже при подготовке соглашения о военнопленных, подписанного 24 июня 1918 г. и вызвавшего серьезные упреки советского руководства. Процедура их обмена, крайне невыгодная для России, была «спрятана» в секретном письме Криге, необходимость которого Иоффе разъяснял Чичерину: «Тайным я предложил его сделать, т.к. публика, может быть, рассчитывает на большее количество» подлежащих немедленному обмену военнопленных⁹.

В течение нескольких месяцев интенсивного обсуждения Добавочного договора отношения двух стран выдержали серию проверок на прочность: мятеж Чехословацкого корпуса, резкая эскалация военного конфликта под Таганрогом («Красный десант»), Батайском и Валуйками, ультиматум о выдаче Черноморского флота, внутрисполитический кризис в Германии вокруг отставки Кюльмана и многое другое. Каждое из этих событий могло стать основанием для триумфа сторонников разрыва всяких отношений между кайзеровской Германией и большевиками. Нервы всех причастных к переговорам оказывались на пределе, любой неосторожный шаг грозил цепной реакцией поспешных выводов и неконтролируемой эскалации.

Сменивший Кюльмана на посту статс-секретаря 8 июля 1918 г. контр-адмирал запаса П. фон Гинце быстро превратился в движущую силу и главного идеолога будущего соглашения. Имея репутацию одного из специалистов по России, он сумел парировать дестабилизирующее воздействие военных на его основные параметры. Бывшему контр-адмиралу пришлось преодолевать неприятие со стороны оппозиции в рейхстаге и недовольство кадровых дипломатов его назначением, но новый глава МИД сумел блокировать попытки развязывания новой интервенции против РСФСР представителями «военной партии». Профессиональную проработку условий Добавочного договора проводил Криге, что признавал и процедурно отмечал Гинце, сохранив за ним авторство одной из нот и право поставить подпись под договором наравне с собой и Иоффе.

С советской стороны мотором подготовки и подписания Добавочного договора был Иоффе. Полпреду приходилось выдерживать эмоциональное давление главы НКВД и вести тяжелые эпистолярные дискуссии с Лениным, о чем свидетельствуют архивные материалы, готовящиеся к изданию в рамках российско-германского научно-публикационного проекта¹⁰. Вряд ли можно утверждать, что советский полпред более

⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 1 об. В ноте, составленной и подписанной Криге, содержалось обязательство, что после завершения обмена по принципу «один на один» отправка на родину русских военнопленных будет продолжаться в таком же темпе вплоть до подписания мира с Францией: PAAA. RZ 201/2005/14.

Документы архива МИД ФРГ оцифрованы и даются по копиям, размещенным на его сайте. URL: <https://politisches-archiv.diplo.de/invenio/main.xhtml> (дата обращения: 30.04.2021). Ввиду того, что листы в делах нередко не указаны, авторы после номера дела через штрих указывают номер соответствующего образа (последняя цифра архивной сигнатуры).

¹⁰ URL: <https://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru/proekty/tekushchie-proekty/politicheskie-donesenija-posla-sovetskoj-rossii-adolfa-ioffe-iz-berlina-aprel-nojabr-1918-g/> (дата обращения: 30.04.2021).

адекватно, чем руководство Совнаркома, видел общую обстановку в мире, однако, находясь в Берлине, он более реалистично оценивал выгоды для Советской России будущей сделки с могущественным лидером Центральных держав¹¹.

Ценность сделки для обеих сторон была крайне высока, хотя их положение и возможности казались едва ли не диаметрально противоположными. Германская империя сохраняла безусловное военное превосходство на Восточном фронте вплоть до эвакуации оккупационных войск зимой 1918–1919 гг. Военная кампания на Западном фронте требовала от Германии концентрации все больших усилий, поэтому позволить себе эскалацию конфликта с РСФСР она не могла. Военное положение Советской России стремительно ухудшалось с конца мая 1918 г., став почти отчаянным к середине августа. Единственным шансом на то, что ситуацию удастся переломить, было поддержание прочного мира с Германией, что позволило бы перебросить все свободные силы на юг страны, в Поволжье, а затем на Русский Север. Возобновление войны с Германией, сколько бы политических плюсов оно ни несло сторонникам революционной войны, в конечном счете завершилось бы военной катастрофой правительства Ленина, что вызвало бы антибольшевистские выступления по всей России, активизацию подполья, особенно его монархических элементов, имевших прогерманскую ориентацию.

При прагматическом анализе военно-политической ситуации на фронтах Первой мировой и Гражданской войны обе стороны были вынуждены сделать вывод о безальтернативности партнерства друг с другом. Поэтому вопреки давлению генералитета Гинце и его единомышленники в МИД продолжали работу над соглашением с Советской Россией. По тем же причинам Ленин, Чичерин и Иоффе блокировали попытки эскалации конфликтов на демаркационной линии с Германией и настаивали, вопреки острой критике даже союзных большевикам социалистических партий, на продолжении переговоров с немцами. Сложное согласование договора постепенно превратило его из набора насущных мероприятий в новую редакцию Брестского мира, более полную, взвешенную и продуманную базу для взаимовыгодных отношений Советской России и Германской империи. 27 июля 1918 г. была датирована объяснительная записка Красина к проекту финансового соглашения: «Попытка перевести большую часть нашего долга в займ не увенчалась успехом. Согласились на 2 с половиной миллиарда, так как немцы поставили вопрос ультимативно. Если поднимем наше хозяйство, отдадим товарами в полтора года... Если же передышка окажется мифом, тогда придется плакать уже о голове, а не о потерянных волосах»¹².

Наибольшее внимание деловых кругов Германии вызывал ход дискуссий о компенсации предприятий, капиталов и прочих активов, принадлежавших немцам и национализированных в России согласно декрету СНК от 28 июля 1918 г. «Наша национализация под сомнение правительством Германии не ставится», — сообщал Красин в Москву. Немцы считали так: «Творите у себя, что вам угодно, лишь бы это касалось не одних только немцев и лишь бы немецким гражданам достаточно платили»¹³. Стороны согласились на паушальную (от немецкого слова «паушаль» — «целиком, в целом») сумму, которую впоследствии будет распределять германское правительство. Это вызвало необходимость детальной проработки способов учета и выплаты компенсаций. Чтобы избежать ажиотажа на бирже и серьезных колебаний валют, Криге предложил описать

¹¹ В день начала развала германского Западного фронта 8 августа 1918 г. Иоффе писал: «Германская революция опоздала, вместо политики ставки на революцию у нас теперь политика ставки на передышку. Передышку этот договор дает, хотя, быть может, очень краткосрочную. Поэтому его нужно принимать и принимать немедленно, ибо затяжка столь же вредна, как и отклонение. Большого добиться, по-моему, нельзя, и, я полагаю, что не мог бы добиться никто». — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 108–109.

¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 46.

¹³ Там же. Л. 50.

механизм и специфику его функционирования в каждой из стран в секретном письме — по аналогии с письмом о модуле обмена военнопленных. Такой документ был им подготовлен и стал третьей германской нотой, публикуемой ниже.

Во избежание будущих недоразумений и взаимных уклонений от принятых обязательств требовалась фиксация и других деталей советско-германской сделки, которые предавать огласке было ни в коем случае нельзя как по внутривнутриполитическим, так и по военным соображениям. Было решено сформулировать их в тайных нотах, которыми стороны должны были обмениваться одновременно с подписанием Добавочного договора. Такая процедура, принятая в дипломатическом протоколе, подразумевала констатацию и расшифровку отдельных положений соглашения в германских нотах, а также ответные ноты советской стороны, выражающие согласие. Немецкие дипломаты собирались таким образом сделать более приемлемыми для Москвы неизбежные уступки, порожденные ее военно-политической слабостью.

Готовность без долгих дискуссий принять условия, выдвинутые оппонентами, была следствием отнюдь не односторонней уступчивости Иоффе, его усталости или даже скрытого германофильства, как полагали внутрипартийные оппоненты полпреда в Москве и Берлине¹⁴. Он исходил из пакетного характера будущего договора, рассматривая как главную уступку немцев их обязательство не поддерживать сепаратистские движения на границах бывшей Российской империи, грозившие ее дальнейшим распадом¹⁵. Позиция Иоффе в дискуссиях с германскими дипломатами постепенно становилась все более уверенной, однако о ходе переговоров полпред информировал только Красина и занимавшего должность генерального консула В.Р. Менжинского¹⁶, ведя переговоры за спиной остальных членов советской делегации, что вызывало у них оправданное возмущение. В этих условиях механизм обмена тайными нотами, на который согласился Иоффе, являлся важным условием недопущения утечки информации, которая подорвала бы дальнейший ход переговоров.

Первый вариант тайной ноты, который был вручен полпреду 1 августа 1918 г.¹⁷, состоял из шести пунктов. Все они, хотя и с рядом содержательных изменений, вошли в окончательный вариант документов, публикуемых ниже. В первом пункте первоначального варианта речь шла о согласии советской стороны с проведением немецкими и финскими вооруженными силами самостоятельной операции против английского десанта на Мурмане, если большевики не сумеют изгнать его до 1 сентября 1918 г.

Очевидно, немецкой стороной этот пункт рассматривался как центральный в военной части соглашения. Высшие военные ведомства Германии к тому моменту полным ходом планировали операцию «Шлюсштайн», для которой выделялись значительные контингенты войск и силы флота¹⁸. Актуальность этой операции подчеркивалась

¹⁴ См. письмо Ларина Чичерину, Радеку, Ломову от 3 августа 1918 г. с обвинениями в некомпетентности Иоффе и его потакании германской стороне. — РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1132. Л. 41–45. Позицию Ларина трудно было назвать конструктивной, ибо он настаивал на выдвижении в ультимативном тоне максимальных требований: «Наша политика теперь по отношению к немцам: твердо требовать всего, что нам необходимо, чтобы быть в силах серьезно сопротивляться воссозданию восточного фронта». Там же. Л. 41.

¹⁵ Статья четвертая договора констатировала, что «Германия никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов в этих областях». — ДВП. С. 439.

¹⁶ Отправляя в Москву проект Добавочного договора, полпред указывал, что переговоры он вел «в полном согласии с Красным и Менжинским, которые одни посвящены во всю мою работу, как явную, так и тайную». — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 36.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 77–77 об., 80–80 об.

¹⁸ Baumgart W. Unternehmen “Schlußstein”: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin, 1970.

внезапным наращиванием масштабов интервенции Антанты на Русском Севере. В первой редакции ноты содержалось положение о том, что «Санкт-Петербург без ясно выраженного согласия российского правительства не будет затронут германскими и финскими войсками». В окончательном варианте регион, в который не имели права вторгаться последние, был значительно расширен. Также исчезло указание на конкретную дату начала операции «Шлюсштайн» — 1 сентября. Пункт, посвященный борьбе против Чехословацкого корпуса и Добровольческой армии, в первоначальной формулировке содержал лишь ожидание германского правительства, что «Россия задействует все имеющиеся у нее средства», без конкретных обязательств советской стороны. Сомнений в ее мотивации у германских дипломатов не возникало.

Самостоятельные действия Иоффе при выработке ключевых статей Добавочного договора запрограммировали дальнейшее обострение конфликта полпреда и наркома, их дискуссия вышла за рамки дипломатических выражений. Иоффе ставил в вину Ленину и Чичерину то, что после новых британских десантов на Севере они обратились за военной поддержкой к германскому послу, перечеркнув предыдущую политику лавирования между двумя враждебными блоками: «Я утверждаю, что нужно отдавать себе отчет в том, что делаешь, и не поддаваться влиянию аффекта... Помощь немцев нам означает непременно отдачу всей России на поток и разграбление немцам. Если Вы из страха перед Антантой хотите немецкими руками расправиться с этим врагом, то Вы должны знать заранее, что немец будет владеть Вами... Я совершенно убежден, что добиться чего-нибудь можно, только лавируя между этими двумя силами до тех пор, пока они не спелись, и ни в коем случае нельзя впускать немцев еще глубже в Россию. Если Вы полагаете, что я не прав, то так и скажите. Но не мешайте моей работе»¹⁹.

Дошло до требования Иоффе о своей немедленной отставке с поста полпреда. В конфликт в очередной раз пришлось вмешаться Ленину. Чичерин требовал наращивать давление на германскую сторону, вести переговоры с позиции равного и не соглашаться с предложениями, которые шли вразрез с линией Москвы. На первый проект Добавочного договора Чичерин реагировал жестко: «Почему вместо Брестской линии на Кавказе нам оставляется только Бакинский уезд? Почему нет никаких указаний на судьбу Дона и Кубани, кроме вопроса о Донецком бассейне? В Ваших предыдущих сообщениях это подводилось под статью об обещании не поддерживать сепаратизма, почему эта статья исчезла и открывается дверь отделению Дона и Кубани? Не представите ли Вы нам проект нашего контр-положения, во всяком случае, такое контр-положение надо выработать по соглашению между нами и Вами»²⁰.

Иоффе, убедившийся в ограниченной самостоятельности германской дипломатии, понимал, что линия переговоров определяется не в здании МИД Германии на Вильгельмштрассе в Берлине, а в Ставке ОХЛ в бельгийском Спа. По возвращении оттуда Гинце и Криге сообщили полпреду, что военные согласны очистить полосу Ростовско-Воронежской железной дороги²¹. Среди нерешенных вопросов они назвали передачу советским властям Ростовско-Таганрогской дороги, по которой в Центральную Россию должен был пойти основной поток хлеба с Северного Кавказа. Приемлемая формулировка по этому вопросу была найдена 3 августа 1918 г. (см. п. 5 первой из публикуемых тайных нот). Между тем вопрос о выводе германских войск с Дона и о прекращении поддержки немцами атамана Краснова, который, в свою очередь, сыграл важнейшую роль в становлении Добровольческой армии, помогая ей оружием, был далеко

¹⁹ Письмо Иоффе Ленину и Чичерину от 28–29 июля 1918 г. — АВП РФ. Ф.04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 82–83.

²⁰ Телеграмма Чичерина Иоффе от 28 июля 1918 г. — РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2103. Л. 2а.

²¹ Иоффе подчеркивал, что пока речь идет только о приемлемой базе будущего соглашения: «Я имею в виду общие положения, что споров еще будет много, это ясно». Телеграмма Иоффе Чичерину от 1 августа 1918 г. — РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 33. Л. 85.

не решен: ОХЛ не желало отказываться от своих далеко идущих проектов на юге России²².

7 августа 1918 г. Иоффе отправил в Москву новый вариант договора, особо подчеркнув готовность немецкой стороны «вставить в тайный обмен нотами обязательство Германии поддерживать претензии России на соответствующую ее экономическим потребностям часть Донецкого бассейна»²³. Полпред торопил с подписанием всего комплекса разработанных соглашений, ссылаясь на мнение неназванных доброжелателей из числа германских политиков: «Тот громадный плюс, которого мы с Вами добились, заключается в том, что мы убедили всех, кого следует, в силе большевизма... Но как раз в данный момент получается впечатление, что большевизм, действительно, начинает шататься, я этому не верю, но старые сомнения опять поднимаются, и как раз в этот момент Вы начинаете торговаться из-за пустяков. Послушайте же меня и подписывайте скорее, ибо право потом будет хуже»²⁴. Складывается впечатление, что Иоффе вкладывал в чужие уста собственное видение ближайшей перспективы советско-германских отношений. Убеждая Москву в том, что достиг максимума возможного, полпред в своем докладе живописал усилия по проведению российской границы в Прибалтике: «Сегодня все утро бился по поводу границы Эстляндии и Лифляндии, которая по статье второй главы первого проекта должна быть проведена на карте. Как я Вам уже сообщал, они в подкомиссии сначала предложили ее так, что она оставляла за ними и Двинск, и Нарву, и еще порядочные куски»²⁵.

Дальнейший ход переговоров Иоффе описывал так: «Тогда я взял дело в свои руки и сегодня на основании бывших у нас между собою переговоров предложил им Двинск за Нарву. После долгих споров они на это согласились, но требуют плато перед Двинском. Когда я возражал против этого, то получил ответ: “Перестаньте спорить, Вам ведь совершенно необходимо поскорее покончить, чтобы иметь развязанными руки против Антанты. Ведь мы пошли Вам на такие уступки, что отдавали Ростов и дорогу, и не наша вина, если г. Чичерин теперь заявляет, что это ему не нужно ввиду алексеевской опасности”»²⁶. Прохождение будущей границы было согласовано в первом пункте окончательного текста тайной ноты. В ходе последующих переговоров ее текст был расширен почти вдвое.

В первом варианте секретной ноты отсутствовали два пункта, вошедшие в публикуемый текст: прохождение границы в районе Нарвы и обязательство Германии воздерживаться на Украину, чтобы та не поддерживала сепаратистские движения на территории России. Позже были добавлены пункты, касающиеся поставок в Россию угля из Донбасса и марганцевой руды из Грузии. Формулировка договоренности по Мурману в окончательном варианте по сравнению с первым практически не изменилась, а по борьбе с Добровольческой армией — была расширена. Этому способствовали тяжелые поражения Красной Армии на Кубани в конце июля — августе 1918 г., делавшие вопрос о борьбе с «проантантовскими» силами все более актуальным для обеих сторон.

После того, как германские дипломаты заявили, что потенциал уступок исчерпан, для полпреда начался новый виток борьбы — теперь следовало убедить Ленина и Чичерина в том, что большего добиться не удастся. Он намеревался лично привезти в Москву текст договора (его парафирование было проведено 10 августа 1918 г.) и секретное приложение к нему, чтобы нейтрализовать жалобы Ларина и Сокольникова, которые

²² *Gehrman U. Turbulenzen am Stillen Don. Zur deutschen Kriegsziel- und Ostpolitik in der Zeit des Brest-Litovsker Friedens // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd. 41. Hf. 3. S. 394–421.*

²³ См. телеграмму Иоффе Чичерину от 7 августа 1918 г. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 94.

²⁴ Доклад Иоффе Ленину и Чичерину от 5 августа 1918 г. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 102.

²⁵ Там же. Л. 102–103.

²⁶ Там же.

собирались покинуть Берлин, ссылаясь на то, что их совершенно «не посвящают в ход переговоров»²⁷.

Ввиду очередного обострения советско-германских отношений, последовавшего после отъезда из Советской России персонала германского посольства 7–9 августа, Иоффе было запрещено покидать свой пост. С большим трудом, благодаря поручительству Красина ему удалось получить разрешение на выезд и пробыть в Москве два дня, обсудив с Лениным и Чичериным ключевые моменты предлагаемых к подписанию документов²⁸. Письменных свидетельств об этой встрече не сохранилось, но ее результат очевиден — документ был признан готовым для подписания и ратификации, Иоффе сохранил за собой пост полпреда²⁹.

Согласно донесению одного из информаторов германского МИД, «в узком кругу Иоффе заявил, что получил [в Москве] полномочия подписать любой договор, поскольку все эти договора из-за грядущей революции в Германии не дойдут до стадии исполнения»³⁰. Большевицкое руководство отдавало себе отчет в том, что логика истории изменилась и в условиях, когда военное поражение Германской империи становилось все более очевидным, новый договор продлевал и упрочивал «передышку», но не накладывал на Советскую Россию долговременных обязательств.

В ходе первой встречи после возвращения Иоффе немецкая сторона без особых раздумий согласилась на два дополнительных условия, выдвинутые Москвой. Ввиду решающих поражений Германии на Западном фронте немецкие дипломаты и военные были вынуждены отказаться от дальнейшего давления на партнера по переговорам. Нужно было спешить, и тут уже было не до деталей — договор с Россией должен убедить немцев в том, что власти Германии крепко держат в своих руках стратегическую инициативу. В проект тайной ноты были внесены новые пункты о запрете для Украины поддерживать военными силами образование сепаратных государств на территории Российской империи, а также об отказе от репрессий в отношении «красных» участников гражданской войны в Финляндии.

В то время как Ставка настаивала на разрешении Москвы использовать транспортный узел Петрограда для переброски германских войск на Север России, Гинце отказался ставить этот вопрос на обсуждение, понимая, что это приведет к срыву работы над договором, так как в любой момент может быть использовано для внезапного удара по Советской России, перечеркивая установку на согласованные действия двух стран, к которым он стремился³¹. В переформулированной тайной ноте сохранялась принципиальная установка, данная Лениным: никакого военного союза с Германией нет, «мы продолжаем как раз лавирование, предоставляя немцам взять уже взятое Антантой и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России»³².

Судьба Добавочного договора теперь казалась обеспеченной, однако в ход работы над ним в очередной раз вмешались события, развивавшиеся независимо от настроений и пожеланий Москвы и Берлина. Неожиданным камнем преткновения стало Закавказье, где свою

²⁷ Письмо Ларина Ленину от 14 июля 1918 г. — РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1132. Л. 1–2.

²⁸ Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922 / под ред. Ю.Н. Амиантова и др. М., 1999. С. 244–245.

²⁹ Для координации действий с германским руководством в его отсутствие поездки в Берлин активно добивался К. Радек (Прибытие в Москву тов. Иоффе. — Правда. 13 августа 1918 г.), который не скрывал своих амбиций занять пост полпреда. См.: *Guftahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek — die Biographie*. Köln — Weimar — Wien, 2012. S. 287–288.

³⁰ Донесение анонимного лица сотруднику МИД Р. Надольны, который курировал русское направление внешней политики Германии, от 19 августа 1918 г. — PAAA. RZ 201/2010/92.

³¹ Телеграмма Гинце Людендорфу от 19 августа 1918 г. — Paul von Hintze: *Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918*. München, 1998. S. 492.

³² Письмо Ленина Иоффе от 3 августа 1918 г. См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 50. С. 134.

политику проводила третья держава, являвшаяся равноправным союзником Германии, — Османская империя. Летом 1918 г. турецкая армия продвигалась к Баку, контроль над которым большевики утратили в первые дни августа. Правительство бакинских комиссаров сменила пестрая коалиция, опиравшаяся на английский десант, прибывший из Северной Персии. В Москве надеялись, что англичане не смогут закрепиться в Баку, но захват города турками означал не только лишение России главного источника нефти, но и подрыв Брестской системы в ее самом слабом звене³³.

Это понимали и в МИД Германии, разделяя недовольство Иоффе положением дел в Баку. По итогам встречи 19 августа 1918 г. полпред отметил, что «сообщение о Баку страшно здесь взволновало, [немцы] признают, что если факты верны, турки их надудли»³⁴. Не менее острой была и реакция Москвы: «Последнее сообщение от Вас о Баку гласит, что немцы не могут принять принудительных мер против турок. Это фактически означает срыв всего соглашения о Баку»³⁵. Новые известия, прибывавшие с большим опозданием из Закавказья, подтолкнули правящие круги обеих стран к ужесточению требований, перечеркивая компромисс, с таким трудом найденный Иоффе, Гинце и Криге. После серии взаимных обвинений участники переговоров решили подготовить вторую из публикуемых нот, которую можно назвать «бакинской».

Процесс согласования интересов Германии и России в этот момент зашел так далеко, что страны оказались на грани неофициального военного альянса, сколько бы ни отрицали это их лидеры тогда, ни советская историография впоследствии. Согласно ноте в рамках новых обязательств по взаимодействию с РККА германские войска должны были при необходимости выступить против союзной им османской армии. Попытка Гинце сформулировать эту ноту так же, как и первую, получив разрешение на самостоятельные и бесконтрольные действия Германии в регионе, натолкнулась на сопротивление его партнера по переговорам. Жестким условием Иоффе стало наступление концентрировавшихся в Грузии германских войск на Баку не вместе с турецкой армией, а вместо нее.

Советский полпред обосновывал это тем, что турецкие войска расправятся с местным армянским населением и разорят нефтепромыслы. В отличие от первой ноты, отражавшей натиск Германии на слабого партнера, МИД предлагал принять устраивавшую советскую сторону формулу, о чем статс-секретарь сообщал Людендорфу 21 августа 1918 г.³⁶ Вторая нота подразумевала, что «германское наступление на Баку, согласованное 22 августа, могло развернуться только при оговоренном согласии русских»³⁷.

Параллельно с выработкой окончательных текстов договоренностей глава МИД стал готовить германские элиты к будущей сделке на Востоке, тайная составляющая которой отражала нарастание конфликта между Германской и Османской империями. В ходе встречи с лидерами фракций рейхстага 21 августа 1918 г. Гинце назвал положение на Кавказе главным препятствием для завершения переговоров: «Несмотря на данное обещание, турецкие армии предприняли наступление на Баку. Русские отбили его. Тогда турки заявили, что для восстановления своей чести они должны взять Баку. Мы, как и русские, заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать этому... Русские требуют более реальных гарантий. Мы не можем их дать, и это препятствует заключению договора»³⁸. Иоффе опять пошел на принятие решений без согласования с Москвой: Чичерин так и не был поставлен

³³ Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 439–447.

³⁴ Телеграмма Иоффе Ленину и Чичерину от 19 августа 1918 г. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 1009. Л. 1.

³⁵ Телеграмма Чичерина Иоффе от 23 августа 1918 г. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 997. Л. 24.

³⁶ Текст «весьма срочного» послания, см.: Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär... S. 511–514.

³⁷ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien — München, 1966. S. 203.

³⁸ Протокол совещания, см.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918... S. 400–403.

в известность о подготовке второй ноты. В день ее подписания Чичерин сделал Иоффе очередной выговор: «Прямой провод есть — почему же Вы все еще предпринимаете такие шаги, как допущение немцев в Баку в случае нашего неуспеха в изгнании англичан, не снесясь с нами?»³⁹.

Для координации согласованных в тайных нотах военных операций в Берлин отправилась высокопоставленная делегация начсостава Красной Армии во главе с В.А. Антоновым-Овсеенко. Выработку финальной редакции нот не смогло сорвать ни дальнейшее ухудшение положения Советской России, ни нарастающий кризис германского Западного фронта. У «второго Бреста» хватало критиков и в Берлине, и в Спа, однако благодаря упорным усилиям Гинце было получено согласие со стороны ОХЛ, кайзера и правительства, блокированы возможные демарши рейхстага и оппозиционной прессы. Ратифицировать договор обе стороны собирались в бундесрате и ВЦИК, не рискуя публичными прениями в рейхстаге и на съезде Советов. Наличие тайных нот скрывалось даже на высшем уровне. В их детали были посвящены лишь те, кто их готовил, а также будущие исполнители принятых решений.

27 августа 1918 г. в 14.30 по берлинскому времени Добавочный договор был подписан Иоффе, Криге и Гинце. Последний, придя на прием в советское полпредство, устроенный по этому поводу, даже вдел в петлицу красную гвоздику⁴⁰. Предстояла буря протестов от германских эмиссаров на оккупированных территориях, представителей всех государств-лимитрофов и антибольшевистских сил. Однако градус возмущения оказался бы куда выше в случае утечки информации о трех секретных нотах, которыми стороны обменялись в тот же день. Их готовившаяся имплементация означала бы переход к новому этапу геополитического переустройства Восточной Европы, однако достигнутые договоренности так и остались на бумаге ввиду скоротечного финала мировой войны и последующего разрыва советско-германских отношений.

История с Добавочным договором и обменом тайными нотами к нему попала в число «белых пятен» советско-германских отношений. Советская трактовка любых сюжетов, связанных с Брестским миром, перефразировала ленинские доводы марта 1918 г. Наличие секретного приложения к августовскому договору в научной литературе вообще не упоминалось. Классическая германская оценка соглашения от 27 августа 1918 г. была дана в книге историка Ф. Фишера, породившей в 1960–1970-е годы острые дебаты в ФРГ: «Добавочный договор, заключенный на таких основаниях, являл собой закономерный этап в старой аннексионистской линии в вопросах военных целей, частью реализованных еще в Бресте: это была современная форма экономической вассальной зависимости»⁴¹. Тайные ноты к нему почти на полвека оказались в забвении по обе стороны «железного занавеса», хотя первая попытка предать их огласке в Германии последовала еще в 1920-х годах.

Тем более важно более чем сто лет спустя проследить нюансы выстраивавшегося в августе 1918 г. компромисса, способного изменить положение Советской России на международной арене и придать ходу Великой войны новый, казавшийся невозможным поворот: становление действенного германо-большевистского альянса против Антанты и любых ее сателлитов на пространстве от Баренцева моря до Каспийского. Однако здесь потребовались бы продолжительные спекуляции в духе альтернативной истории. Ход событий прервал имплементацию Добавочного договора уже к концу октября 1918 г., а тайных нот к нему — еще раньше, не позже сентября 1918 г., когда крах одного за другим периферийных фронтов Центральных держав лишил актуальности прежние

³⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 993. Л. 84.

⁴⁰ *Blücher W.* Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden, 1951. S. 19.

⁴¹ *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017. С. 599.

расчеты и планы. На авансцену истории, сменив тайную дипломатию и гром орудий, вышли революционные потрясения послевоенной эпохи.

В Политическом архиве МИД ФРГ (РААА) и в Архиве внешней политики РФ имеется несколько копий каждой из тайных нот к советско-германскому Добавочному договору. Сохранились как их предварительные, так и окончательные варианты, и те, и другие — на немецком языке. Официального перевода на русский, по-видимому, никогда не существовало. Это было связано как с желанием сохранить обмен нотами в тайне, так и с тем, что Ленин и Чичерин — единственные, кто был посвящен во все перипетии подготовки «второго Бреста» — прекрасно владели немецким языком.

В тексте договора и подписанных вместе с ним соглашениях речи о наличии тайных нот не было. Документы готовились в аппарате германского внешнеполитического ведомства, о чем свидетельствует характерный высокопарно-бюрократический стиль документов. Почти механическое совпадение формулировок в нотах и ответах на них со стороны Иоффе во всех трех случаях позволило дать для образца перевод лишь первой ответной ноты. Перевод и публикация документов даются по окончательному тексту, датированному 27 августа 1918 г.⁴² Он набран типографским шрифтом, включая подписи Иоффе, Гинце и Криге. С учетом полученного за предшествующие месяцы опыта работы в условиях высочайшего темпа развития событий, стороны перешли к ведению нотной переписки, в том числе по телеграфу, что делало оригинальные подписи на ее документах скорее исключением, нежели правилом. К сожалению, на нотах (и вообще в документах данного фонда) не указано точное время вручения, что позволило бы сделать вывод о последовательности событий вокруг подписания Добавочного договора и секретных нот к нему, что оставляет место для дальнейших размышлений о порядке обмена нотами и их двустороннем характере.

Первая из нот, адресованная Иоффе, была опубликована во Франции в русской эмигрантской прессе в 1925 г. Комментарии к ней преследовали цель обвинить советское правительство в том, что летом 1918 г. оно пошло на тайный военный союз с Германией⁴³. Вслед за этим в немецкой прессе появилась эта и ответная нота Иоффе, опубликованные по архиву МИД⁴⁴. Нота, посвященная участию германских инстанций и войск в определении судьбы Баку, была опубликована немецким историком В. Баумгартом в 1969 г.⁴⁵ Третья нота публикуется впервые. Из ответных нот публикуется первая, как наиболее показательная для всех трех. Переводы на русский язык сделаны Л.В. Ланником, комментарии А.Ю. Ватлина и Л.В. Ланника.

РААА. RZ 201/2012/88-91.

Первая германская нота⁴⁶

Дипломатическому представителю Российской Социалистической Федеративной Советской Республики господину Иоффе.

Внешнеполитическое ведомство

⁴² РААА. RZ 201/2012/88–103. Идентичные документы, полученные российской стороной, хранятся: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 69. П. 463. Д. 62164. Л. 4–7.

⁴³ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik... S. 115. Anm. 101.

⁴⁴ Geheimzusätze zum Brest-Litowsker Vertrag // Europäische Gespräche. 1926. Hf. 4. S. 148–155.

⁴⁵ Baumgart W. Die “geschäftliche Behandlung” des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte // Historisches Jahrbuch. 1969. Bd. 89. S. 146–147.

⁴⁶ Geheimzusätze zum Brest-Litowsker Vertrag... S. 148–151.

Берлин, 27 августа 1918 г.

Многоуважаемый господин Иоффе!

В связи с нашей беседой относительно подписанного сегодня Добавочного договора к мирному договору имею честь конфиденциально подтвердить Вам от имени Императорского германского правительства ряд отдельных положений этого Добавочного договора.

1. К абзацу 1-му статьи 2. Подлежащая установлению германо-русской комиссией линия границы должна проходить по восточному берегу Наровы⁴⁷ на расстоянии примерно 1 км от реки и проводиться с учетом границ между общинами, включая в себя город Нарву с округой, соответствующей его экономическим потребностям. Напротив, выдающийся к югу от р. Западная Двина восточный угол территории Курляндии должен быть округлен приблизительно по линии Двинск — Дрисвяты с учетом границ между общинами. На линии юго-западная оконечность Псковского озера — оз. Любань — Ливенгоф⁴⁸ границу следует провести при самом тщательном учете административных рубежей, а также исходя из следующих соображений: с одной стороны, экономические потребности города Пскова и расположение русского Печерского монастыря делают желательным как можно более западное проведение границы; с другой стороны, в районе к юго-западу от Псковского озера следует сохранить такое ее начертание, которое делало бы удобной оборону Лифляндии.

2. К статье 4. Германия во исполнение данного положения выступит за то, чтобы Украина не поддерживала военными средствами возникновение независимых государственных образований на территории Российского государства.

3. К статье 5. Присутствие вооруженных сил Антанты на территории Русского Севера означает постоянную и серьезную угрозу находящимся в Финляндии германским войскам. Поэтому если предусмотренная в абзаце 1-м статьи 5-й акция российской стороны не достигнет своей цели в ближайшее время, то Германия будет считать себя вынужденной со своей стороны предпринять подобную акцию, в случае необходимости — с привлечением финских войск; при этом без особого согласия российского правительства территории России между Финским заливом и Ладожским озером, а также к югу и юго-востоку от этого озера германскими и финскими войсками затрагиваться не будут⁴⁹. Германское правительство ожидает, что Россия не сочтет подобное наступление недружественным к ней актом и ни в коей мере не будет оному препятствовать. При таком условии оно гарантирует, что занятые в ходе этого наступления территории России после изгнания с них вооруженных сил Антанты и после заключения всеобщего мира будут оставлены германскими и финскими войсками, если только они не отойдут Финляндии согласно российско-финскому мирному договору⁵⁰; кроме того, после изгнания вооруженных сил Антанты на них как можно скорее будет восстановлена российская гражданская администрация.

4. К статье 7. На переговорах об Эстляндии и Лифляндии российской стороной было высказано пожелание, чтобы Германия приняла на себя обязательство о полном

⁴⁷ Ныне р. Нарва.

⁴⁸ Ныне г. Ливаны (Латвия).

⁴⁹ Об истинных намерениях германской стороны в рамках операции «Шлюсштайн», включая возможность внезапного захвата Кронштадта и Петрограда, см.: *Baumgart W. Unternehmen "Schlußstein"...*; *Чистиков А.Н.* Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюсштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XIX веков в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 132–151.

⁵⁰ Российско-финляндские мирные переговоры в Берлине окончились неудачей 26 августа 1918 г. См.: *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. М., 1975. С. 47–53; *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918...* S. 105–114; Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920 гг. / сост. М.В. Зеленов, М.А. Лысенков и др. М., 2017. С. 250–281.

разоружении Ревеля. Германское правительство полагает, что не может пойти на такое обязательство в рамках договора, ибо имеющийся опыт свидетельствует о том, что подобные соглашения становятся источником международных разногласий. Однако оно не видит препятствий к тому, чтобы заявить, что с германской стороны предполагается скрыть все крепостные сооружения Ревеля после заключения всеобщего мира и в будущем не обустраивать Ревель в качестве крепости.

5. К абзацу 2 статьи 12. Германское правительство ожидает, что Россия задействует все имеющиеся у нее средства, чтобы незамедлительно подавить мятежи генерала Алексеева и чехословаков; с другой стороны, и Германия предпримет все необходимые усилия для борьбы против генерала Алексеева. В связи с этим Россия будет добиваться очищения упомянутых в 1-м предложении 2-го абзаца 12-й статьи территорий вдоль железных дорог⁵¹ лишь в тот момент, когда это позволит военное положение, причем в рамках особого соглашения, которого надлежит достичь по данному поводу.

6. К абзацу 3 статьи 12. Германия будет содействовать тому, что Россия по мирному договору с Украиной⁵² получит соответствующую своим экономическим потребностям часть Донецкого бассейна; с другой стороны, Россия не будет требовать очищения полагающейся ей таким образом части Донецкого бассейна до заключения всеобщего мира, чтобы не нарушить положения абзаца 2-го статьи 12-й. Далее, Германия будет содействовать тому, чтобы Украина выделила треть добываемой ею железной руды для экспорта в Россию согласно особому соглашению, которое предстоит заключить.

7. К статье 13. Германия будет содействовать тому, чтобы Россия могла бы получить из Грузии четверть объема экспорта добываемой там марганцевой руды⁵³ в рамках особого соглашения, которое предстоит заключить.

8. К абзацу 1 статьи 14. Обязательство Германии, что никакая третья держава в случае возможных военных операций на Кавказе за пределами Грузии или округов, упомянутых в абзаце 3-м статьи 4-й мирного договора⁵⁴, не получит ее поддержки, распространяется и на тот случай, если в ходе этих операций по несчастному стечению обстоятельств дело дойдет до столкновений между войсками России и третьей державы⁵⁵. Подобные столкновения не будут являться для Германии основанием для какого-либо вмешательства до тех пор, пока российские войска не перейдут границы Турции, включая упомянутые округа, или границы Грузии.

⁵¹ Вдоль магистралей, ведущих из Москвы к Ростову и Таганрогу, т.е. территорий в Воронежской губернии и в Области Войска Донского.

⁵² Помимо действовавшего с середины июня 1918 г. перемирия и ряда частных соглашений о нормализации двусторонних отношений, существенного прогресса на российско-украинских мирных переговорах в Киеве (июнь — начало ноября 1918 г.) не наблюдалось.

⁵³ Грузинское месторождение марганца в Чиатурах было на тот момент крупнейшим из разрабатываемых в мире. Заинтересованность Германии в поставках марганца сыграла важную роль в установлении германского протектората над Грузией. См.: *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг. Воспоминания. Очерки. Paris, 1924. С. 124—126; Политика Германии в Закавказье в 1918 году: сб. документов / сост. Г.В. Пипия. Тбилиси, 1971. С. 84—97; *Zürer W.* Kaukasien 1918—1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978. S. 129—130.

⁵⁴ Округов Батума, Карса и Ардагана, судьба которых по условиям Брестского мира должна была определяться плебисцитом. Он был проведен турецкой стороной 14 июля 1918 г., однако голосование проводилось под таким явным военным диктатом, что легитимность его результатов не была признана ни одной страной, кроме Османской империи. См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917—1918). Wien — Köln — Weimar, 1992. S. 245—251; *Маилян Б.В.* Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918—1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129—161.

⁵⁵ Под этим могла подразумеваться только Османская империя, поскольку независимость Азербайджана и Армении не признавали ни РСФСР, ни Германская империя.

9. К абзацу 2 статьи 14. Германское правительство ожидает до 30 сентября 1918 г. предложений российского правительства по минимальному объему обязательных ежемесячных поставок из России сырой нефти и продуктов из нее.

10. К статье 15. Германия сохраняет за собой право использования для мирных целей, особенно для траления мин, а также для службы в портах и для полицейских функций военные суда Черноморского флота, включая вернувшиеся из Новороссийска в Севастополь⁵⁶; в случае военной необходимости может последовать их использование и для иных военных целей. За причиненный в ходе данного применения ущерб судам, а также за возможную их потерю Германия предоставит российскому правительству компенсацию в полном размере.

11. Германия будет содействовать тому, чтобы правительство Финляндии освободило удерживаемых им в плену финских красногвардейцев от финляндского подданства по их запросу, если только они не находятся под следствием или в заключении за уголовные преступления, разрешив им выезд в Россию. Россия, в свою очередь, принимает на себя обязательство предоставить таким лицам российское подданство и не использовать их в военных целях против Финляндии или в приграничных с Финляндией российских губерниях, а также не предоставлять им право поселения в этих губерниях.

Сим я прошу Вас сообщить мне о согласии российского правительства на предлагаемые в пунктах с 1-го по 11-й варианты решения обсуждавшихся вопросов, а также позаботиться о том, чтобы содержание этой ноты осталось конфиденциальным, и пользуясь случаем вновь заверить Вас в моем совершеннейшем почтении.

Фон Гинце.

РААА. RZ 201/2012/92-94.

Ответная советская нота⁵⁷

Полномочное представительство
Российской Социалистической Федеративной
Советской Республики
Берлин, 27 августа 1918 г.

Его Превосходительству статс-секретарю по иностранным делам действительному тайному советнику контр-адмиралу запаса господину фон Гинце.

Многоуважаемый господин статс-секретарь!

Имею честь от имени Российского правительства конфиденциально сообщить Вашему превосходительству в ответ на письмо ноту от сего дня об отдельных положениях германо-российского соглашения в дополнение к мирному договору⁵⁸ следующее:

⁵⁶ Речь идет о судах под командованием контр-адмирала А.И. Тихменева, прибывших в Севастополь 18–19 июня 1918 г. после отказа их экипажей выполнить приказ Ленина о затоплении своих кораблей. Современной историографии вопроса не существует. См.: *Кукель В.А.* Правда о гибели Черноморского флота. Прага, 1923; *Hopman A.* Tagebuchaufzeichnungen, 19., 23. Juni // *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart.* Göttingen, 1971. S. 527, 530–531; *Козлов А.И.* Черноморский флот и советско-германские отношения в 1918 году // *Вопросы истории.* 1984. № 5. С. 28–43.

⁵⁷ Geheimzusätze zum Brest-Litovsker Vertrag. S. 151–153. Экземпляр ноты: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 69. П. 453. Д. 62164. Л. 6–6 об. 7.

⁵⁸ В историографии утвердилось название Добавочный договор, который не следует путать с Дополнительным договором от 3 марта 1918 г., подписанным одновременно с Брестским миром по ряду вопросов имущественно-правового характера.

1. К абзацу 1-му статьи 2-й. Российское правительство согласно с тем, что подлежащая установлению германо-русской комиссией линия границы должна проходить по восточному берегу Наровы на расстоянии примерно 1 км от реки и проводиться с учетом границ между общинами, включая в себя город Нарву с округой, соответствующей его экономическим потребностям. Напротив, выдающийся к югу от р. Западная Двина восточный угол территории Курляндии должен быть округлен приблизительно по линии Двинск — Дрисвяты с учетом границ между общинами. На линии юго-западная оконечность Псковского озера — оз. Любань — Ливенгоф границу следует провести при самом тщательном учете административных рубежей, а также следующих соображений: с одной стороны, экономические потребности города Пскова и расположение русского Печерского монастыря делают желательным как можно более западное проведение границы; с другой стороны, в районе к юго-западу от Псковского озера следует сохранить такое ее начертание, которое делало бы удобной оборону Лифляндии.

2. К статье 4. Российское правительство принимает к сведению готовность Германии выступить за то, чтобы Украина не поддерживала военными средствами возникновение независимых государственных образований на территории Российского государства.

3. К статье 5. Российское правительство принимает к сведению, что в случае, если предусмотренная с российской стороны акция против вооруженных сил Антанты не достигнет своей цели в ближайшее время, то Германия будет вынуждена со своей стороны поддержать подобную акцию, в случае необходимости — с привлечением финских войск; при этом без особого согласия российского правительства территории России между Финским заливом и Ладожским озером, а также к югу и юго-востоку от этого озера германскими и финскими войсками затрагиваться не будут. Россия не сочтет подобное наступление Германии недружественным актом и ни в коей мере не будет оному препятствовать. При этом подразумевается, что занятые в ходе этого наступления территории России после изгнания с них вооруженных сил Антанты и после заключения всеобщего мира будут оставлены германскими и финскими войсками, если только они не отойдут Финляндии согласно российско-финскому мирному договору; кроме того, после изгнания вооруженных сил Антанты на них как можно скорее будет восстановлена российская гражданская администрация.

4. К статье 7. Российское правительство принимает к сведению, что германская сторона предполагает скрыть укрепления Ревеля после заключения всеобщего мира и в дальнейшем не обустраивать Ревель в качестве крепости.

5. К абзацу 2 статьи 12. Россия задействует все имеющиеся у нее средства, чтобы незамедлительно подавить мятежи генерала Алексева и чехословаков; с другой стороны, она принимает к сведению, что и Германия предпримет все необходимые усилия против генерала Алексева. В связи с этим Россия будет добиваться очищения упомянутых в 1-м предложении 2-го абзаца 12-й статьи территорий вдоль железных дорог лишь в тот момент, когда это позволит военное положение, причем в рамках особого соглашения, которого надлежит достичь по данному поводу.

6. К абзацу 3 статьи 12. Российское правительство принимает к сведению готовность германского правительства содействовать тому, чтобы Россия по мирному договору с Украиной получила соответствующую своим экономическим потребностям часть Донецкого бассейна, а Украина выделила треть добываемой ею железной руды для экспорта в Россию согласно особому соглашению, которое предстоит заключить. С другой стороны, Россия не будет требовать очищения полагающейся ей таким образом части Донецкого бассейна до заключения всеобщего мира, чтобы не нарушить положения абзаца 2-го статьи 12-й.

7. К статье 13. Российское правительство принимает к сведению готовность германского правительства содействовать тому, чтобы Россия могла бы получить четверть

объема экспорта добываемой там марганцевой руды в рамках особого соглашения, которое предстоит заключить.

8. К абзацу 1 статьи 14. Российское правительство принимает к сведению, что возможные столкновения между войсками России и третьей державы на Кавказе за пределами границ Грузии или округов, упомянутых в 3-м абзаце 4-й статьи мирного договора, не будут являться для Германии основанием для какого-либо вмешательства до тех пор, пока российские войска не перейдут границы Турции, включая упомянутые округа, или границы Грузии.

9. К абзацу 2 статьи 14. Российское правительство в срок до 30 сентября 1918 г. представит германскому правительству предложения о минимальном объеме обязательных ежемесячных поставок из России сырой нефти и продуктов из нее.

10. К статье 15. Российское правительство не имеет возражений относительно того, что военные суда Черноморского флота, включая вернувшиеся из Новороссийска в Севастополь, до тех пор, пока согласно абзацу 2-му этой статьи они находятся в ведении Германии, могут быть использованы в мирных целях, особенно для траления мин, а также для службы в портах и для полицейских функций, а в случае военной необходимости и для иных военных целей. За причиненный в ходе данного применения ущерб судам, а также за возможную их потерю Германия предоставит российскому правительству компенсацию в полном размере.

11. Российское правительство принимает к сведению готовность германского правительства содействовать тому, чтобы правительство Финляндии освободило удерживаемых им в плену финских красногвардейцев от финляндского подданства по их запросу, если только они не находятся под следствием или в заключении за уголовные преступления, разрешив им выезд в Россию. Россия, в свою очередь, принимает на себя обязательство предоставить таким лицам российское подданство и не использовать их в военных целях против Финляндии или в приграничных с Финляндией российских губерниях, а также не предоставлять им право поселения в этих губерниях.

Сим удостоверяю, что мое правительство будет рассматривать содержание этой ноты как конфиденциальное, и пользуюсь случаем заверить Ваше Превосходительство в моем совершеннейшем почтении.

А. Иоффе

РААА. RZ 201/2012/98-99

Вторая германская нота⁵⁹

Дипломатическому представителю Российской Социалистической Федеративной Советской Республики господину Иоффе.

Берлин, 27 августа 1918 г. Внешнеполитическое ведомство
Многоуважаемый господин Иоффе!

Во 2-м предложении 1-го абзаца статьи 14-й подписанного сегодня Добавочного договора к мирному договору Германия обязалась оказать свое воздействие, чтобы вооруженные силы третьей державы не перешли подробно описанную в данной статье линию в районе Баку. Чтобы исключить сомнения в возможности реализации данной статьи, вызванные прибытием в Баку британских войск, а также наступлением турецких войск на этот город, я имею честь конфиденциально сообщить Вам от имени германского правительства следующее.

Сразу же после ратификации Добавочного договора германское правительство выступит с обращением к турецкому правительству, с тем чтобы турецкие войска были

⁵⁹ Baumgart W. Die "geschäftliche Behandlung"... S. 146–147.

отведены за указанную линию. С другой стороны, Германия не может смириться с присутствием британских вооруженных сил в районе Баку, несовместимым с нейтралитетом России и представляющим угрозу для германских войск в Грузии, а потому в случае, если Россия окажется не в состоянии их изгнать, будет вынуждена задействовать для этой цели германские войска. Германское правительство ожидает, что Россия не будет рассматривать такое наступление как недружественный акт, напротив, поддержит его путем содействия своих инстанций и соответствующими разъяснениями населению. В ответ германское правительство, со своей стороны, заверяет, что занятые в ходе данного наступления российские территории останутся под управлением российской гражданской администрации, и что впоследствии они будут оставлены германскими войсками по запросу российского правительства; подобное требование российская сторона может выдвинуть лишь в том случае, если будет устранена угроза нового британского вторжения⁶⁰.

Сим прошу Вас сообщить мне о согласии российского правительства на такую трактовку Добавочного договора, а также позаботиться о том, чтобы содержание этой ноты сохраняло конфиденциальный характер. Пользуясь случаем, хотел бы вновь заверить Вас в моем совершеннейшем почтении.

Фон Гинце.

РААА. RZ 201/2012/101-103

Третья германская нота (к советско-германскому финансовому соглашению)

Внешнеполитическое ведомство.

Берлин, 27 августа 1918 г.

Дипломатическому представителю Российской Социалистической Федеративной Советской Республики господину Иоффе.

Многоуважаемый господин Иоффе!

В связи с нашей беседой относительно подписанного сегодня германо-российского финансового соглашения, дополняющего германо-российский Дополнительный договор к мирному договору⁶¹, имею честь по поручению моего правительства сим подтвердить Вам, что при подписании данного соглашения было достигнуто согласие по следующим пунктам.

1. Статьей 1-й финансового соглашения⁶² отменяется действие абзаца 2-го статьи 16-й Дополнительного договора к мирному договору⁶³, насколько он касается проведенной в России национализации до 1 июля 1918 г., таким образом, что за эту национализацию более нельзя будет претендовать на компенсации. Согласно данному положению

⁶⁰ Под этим предлогом вывод германских войск мог откладываться очень долго, по меньшей мере до захвата Энзели и Красноводска турецкими или советскими войсками. Оба важнейших порта контролировались британцами или пробританскими местными правительствами. Подготовка возможных операций на Каспии требовала создания на базе Баку германских военно-морских сил. Однако этот проект был остановлен на стадии активного планирования. См.: Baumgart W. Das "Kaspi-Unternehmen" — Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

⁶¹ Дополнительный договор был подписан вместе с Брестским мирным договором 3 марта 1918 г. — ДВП. С. 166–183.

⁶² ДВП. С. 445–453.

⁶³ Во втором абзаце статьи 16 говорилось о том, что компенсации за имущественные ценности граждан одной стороны, отчужденные на территории другой стороны без достаточной компенсации, будут определены особым соглашением. — ДВП. С. 174.

национализация предприятия в России, в том числе при временном сохранении его прежней администрации, рассматривается как проведенная до 1 июля 1918 г., если только она проведена согласно вступившему в силу еще до этой даты декрету; то есть с момента опубликования декрета собственником предприятия следует считать Российское государство.

2. Германское правительство позаботится о том, чтобы после реализации предусмотренных в статье 3 финансового соглашения⁶⁴ российских обязательств находящиеся в германском владении экземпляры и купоны процентных бумаг русских государственных займов и гарантийных обязательств, а также акции и купоны на дивиденды российских предприятий были предоставлены в распоряжение российского правительства.

3. Финансовым соглашением не затрагивается право германских акционеров национализированных в России предприятий на причитающиеся им за период до национализации дивиденды. Эти дивиденды будут выплачены русской стороной германским акционерам и в том случае, если предприятие было национализировано до 1 июля 1918 г., а акционеры получают компенсацию за утрату их прав по акциям из суммы, упомянутой в статье 2-й финансового соглашения.

4. В качестве гарантий предусмотренного в §3 статьи 3-й финансового соглашения российского займа должны выступать наряду с государственными доходами от предоставленных германским подданным хозяйственных концессий также таможенные пошлины и доходы государственных монополий; причем эти пошлины и государственные монополии не могут находиться под германским управлением⁶⁵.

5. Германия выражает готовность в случае необходимости обеспечить, чтобы Украина и Финляндия при урегулировании ими раздела имущества с Россией приняли на себя часть российских обязательств перед Германией, указанную в §4 статьи 3 финансового соглашения⁶⁶.

6. Согласно статьям 4, 12, 13 финансового соглашения находящиеся в России активы германских подданных, конфискованные в пользу государства или местных органов власти, или по иным причинам оказавшиеся вне возможности владельца распоряжаться ими, должны быть возвращены ему по его запросу, если они не продолжают находиться во владении государства или местных органов власти. Согласно этому положению под государственной или муниципальной собственностью следует понимать управление ими в интересах государства или местных властей третьей стороной или же передача ей в аренду или иное временное пользование согласно общему, касающемуся как подданных страны, так и иностранцев правилу; до передачи этой собственности в аренду или в управление прежнему законному владельцу следует предоставить возможность принять на себя ее использование на тех же условиях, что и третьей стороне.

7. В соответствии с условиями финансового соглашения находящиеся на территории, контролируемой Германией, активы национализированных российских предприятий, в той мере, в какой они затрагивают интересы германских подданных, будут рассматриваться как собственность Российского государства.

8. В связи с трудностями, которые возникают за пределами России при конвертации российских рублевых купюр номиналом ниже 50 рублей, российское правительство

⁶⁴ В статье шла речь о механизме и сроках уплаты Россией суммы в шесть миллиардов марок, которая подразумевала в том числе «вознаграждение потерпевших от русских мероприятий германцев». — ДВП. С. 446.

⁶⁵ 5 августа 1918 г. специальная комиссия в составе Рыкова, Милютин, Гуковского, Бронского, Чичерина и Ломова, рассмотрев проект финансового соглашения с Германией, высказалась против упоминания в нем источников погашения займа. В протоколе заседания комиссии рукой Чичерина было добавлено: «в ст. 3 должно быть упомянуто только о концессиях». Эта просьба была учтена германской стороной в ходе дальнейшей работы над Добавочным договором. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 86.

⁶⁶ В соглашении эта часть оценивалась в сумму 1 млрд марок. — ДВП. С. 448.

примет меры к тому, чтобы российские банки при подлежащих с их стороны согласно условиям главы 2-й финансового соглашения⁶⁷ переводах осуществляли их рублевыми купюрами достоинством исключительно в 50 рублей и более.

Примите, многоуважаемый господин Иоффе, по сему поводу уверения в моем совершеннейшем почтении.

Криге⁶⁸.

Библиография

Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Paris, 1924.

Ватлин А.Ю. «В прочность положения большевиков я не очень-то верю» // Воронцово поле. 2020. № 4. С. 32–37.

Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.

Козлов А.И. Черноморский флот и советско-германские отношения в 1918 году // Вопросы истории. 1984. № 5. С. 28–43.

Кужель В.А. Правда о гибели Черноморского флота. Прага, 1923.

Ланник Л.В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020. № 4. С. 189–212.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922 / под ред. Ю.Н. Амиантова и др. М., 1999.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 50. М., 1970.

Мацяян Б.В. Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918–1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М. 2015. С. 129–161.

Политика Германии в Закавказье в 1918 году: сб. документов / сост. Г.В. Пипия. Тбилиси, 1971.

Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920 гг. / сост. М.В. Зеленов, М.А. Лысенков и др. М., 2017.

Соломон Г.А. Среди красных вождей. М., 1995.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.

Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. М., 1975.

Чистиков А.Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюсштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XIX веков в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 132–151.

Чичерин Г.В. Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920.

Baumgart W. Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966.

Baumgart W. Die “geschäftliche Behandlung” des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte // Historisches Jahrbuch. 1969. Bd. 89. S. 116–152.

Baumgart W. Unternehmen “Schlußstein”: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin, 1970.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1992.

Blücher W. Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden, 1951.

Gatzke H.W. Dokumentation zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. Hf. 1. S. 67–98.

Gatzke H.W. Stresemann und Litwin // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 76–90.

⁶⁷ Глава вторая финансового соглашения регулировала выдачу банковских вкладов и депозитов.

⁶⁸ Подпись Криге отражает его выдающуюся роль в переговорах и подписании договора и нот к нему. 26 июля 1918 г. П. фон Гинденбург писал рейхсканцлеру, что именно разъяснения Криге позволили ему согласиться со статьей Добавочного договора, накладывавшей на Германию обязательство «не вызывать и не поддерживать образование самостоятельных государственных организаций» на территории, признанной российской. – PAAA. RZ 201/2007/169–171.

- Geheimzusätze zum Brest-Litowsker Vertrag // Europäische Gespräche. 1926. Hf. 4. S. 148–153.
- Gehrman U. Turbulenzen am Stillen Don. Zur deutschen Kriegsziel- und Ostpolitik in der Zeit des Brest-Litovsker Friedens // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd. 41. Hf. 3. S. 394–421.
- Gutjahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln – Weimar – Wien, 2012.
- Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880–1937 / hrsg. von S. Kamzelak, U. Ott: 9 Bde. Stuttgart, 2004–2018. Bd. 6 / hrsg. von G. Riederer, C. Hilse.
- Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / eingl. und hrsg. von J. Hürter. München, 1998.
- Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiegne. Köln – Wien, 1970.
- Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
- Zürer W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

References

- Avalov Z. Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoj politike 1918–1921 gg. Vospominaniya. Ocherki [Georgia's Independence in International Politics 1918–1921. Memories. Essays]. Paris, 1924. (In Russ.)
- Chicherin G.V. Vneshniaia politika Sovetskoi Rossii za dva goda [Foreign policy of Soviet Russia in two years]. Moskva, 1920. (In Russ.)
- Chistikov A.N. Sovetsko-germanskije otnosheniya letom 1918 g. v issledovaniyax V. Baumgarta i X. Xerviga (k istorii operacii "Shlyusshtajn") [Soviet-German relations in the summer of 1918 in the studies of V. Baumgart and H. Herwig (on the history of Operation "Schlussstein")] // Gosudarstvenny'e instituty i obshchestvenny'e otnosheniya v Rossii XVIII–XIX vekov v zarubezhnoj istoriografii [Institutions and public relations in Russia of the 18th–19th centuries in foreign historiography]. Sankt-Peterburg, 1994. S. 132–151. (In Russ.)
- Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 1 [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 1]. Moskva, 1957. (In Russ.)
- Fisher F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voenny'ch celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. / per. s nem., komm. i pred. L.V. Lannika [A leap to world domination. The policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918 / transl. from German, comm. and prev. L.V. Lannik]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Kozlov A.I. Chernomorskij flot i sovetsko-germanskije otnosheniya v 1918 godu [The Black Sea Fleet and Soviet-German Relations in 1918] // Voprosy istorii [Questions of History]. 1984. № 5. S. 28–43. (In Russ.)
- Kukel' V.A. Pravda o gibeli Chernomorskogo flota [The truth about the death of the Black Sea Fleet]. Praga, 1923. (In Russ.)
- Lannik L.V. Missiya Gel'ferixa v Moskve: zaby'taya fluktuaciya sovetsko-germanskix otnoshenij letom 1918 g. [Gelferich's Mission in Moscow: the Forgotten Fluctuation of Soviet-German relations in the summer of 1918] // Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the Modern World]. 2020. № 4. S. 189–212. (In Russ.)
- Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Germanskaya okkupaciya 1918 g. [After the Russian Empire. German occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Lenin V.I. Neizvestny'e dokumenty' 1891–1922 / pod red. Yu.N. Amiantova i dr [Unknown documents 1891–1922 / ed. Yu.N. Amiantov, et al.]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e [Complete works. Ed. 5-e]. T. 50. M., 1970. (In Russ.)
- Mailyan B.V. Mezhdz Gruzij i Turcij: osobennosti irredentizma na primere Adzharii i Samczxe-Mesxetii (1918–1921 gg.) [Between Georgia and Turkey: features of Irredentism on the example of Adjara and Samtskhe-Mtskheta (1918–1921)] // Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG [Historical Space. Problems of the history of the CIS countries]. Moskva, 2015. S. 129–161. (In Russ.)
- Politika Germanii v Zakavkaz'e v 1918 godu: sb. dokumentov / sost. G.V. Pipiya [German Policy in Transcaucasia in 1918: collection of documents / comp. G.V. Pipiya]. Tbilisi, 1971. (In Russ.)
- Rossija i Finlyandiya: otprotivostoyaniya k miru. 1917–1920 gg. / sost. M.V. Zelenov, M.A. Ly'senkov i dr. [Russia and Finland: from Confrontation to peace. 1917–1920 / comp. M.V. Zelenov, M.A. Lysenkov, et al.]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Solomon G.A. Sredi krasny'ch vozhdej [Among the Red Chiefs]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Vatlin A.Iu. "V prochnost' polozheniia bol'shevikov ia ne ochen'-to veriu" ["I don't really believe in the strength of the position of the Bolsheviks"] // Vorontsovo pole [Vorontsovo pole]. 2020. № 4. S. 32–37. (In Russ.)

- Xolodkovskij V.M.* Finlyandiya i Sovetskaya Rossiya [Finland and Soviet Russia]. Moskva, 1975. (In Russ.)
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966.
- Baumgart W.* Die “geschäftliche Behandlung” des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte // Historisches Jahrbuch. 1969. Bd. 89. S. 116–152.
- Baumgart W.* Unternehmen “Schlußstein”: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin, 1970.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1992.
- Blücher W.* Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden, 1951.
- Gatzke H.W.* Dokumentation zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. Hf. 1. S. 67–98.
- Gatzke H.W.* Stresemann und Litwin // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 76–90.
- Geheimzusätze zum Brest-Litowsker Vertrag // Europäische Gespräche. 1926. Hf. 4. S. 148–153.
- Gehrmann U.* Turbulenzen am Stillen Don. Zur deutschen Kriegsziel- und Ostpolitik in der Zeit des Brest-Litovsker Friedens // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd. 41. Hf. 3. S. 394–421.
- Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln – Weimar – Wien, 2012.
- Kessler H. Graf.* Das Tagebuch 1880–1937 / hrsg. von S. Kamzelak, U. Ott: 9 Bde. Stuttgart, 2004–2018. Bd. 6 / hrsg. von G. Riederer, C. Hilse.
- Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / engl. und hrsg. von J. Hürter. München, 1998.
- Volkman H.-E.* Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiègne. Köln – Wien, 1970.
- Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
- Zürner W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.